

Опасная болезнь

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД ФАКТОМ

В редакцию пришло письмо. Написанное уборым почерком на нескольких страницах, оно рассказывало о тревожном: о конфликте в Могилевском театре драмы и комедии между актером Ю. Богавским и главным режиссером театра Ф. Пузовичем. Артист обвинял режиссера в профессиональной несостоятельности и жаловался на преследования за критику. Вскоре последовало новое письмо, в нем сообщалось о том, что месть руководства театра достигла логического завершения — актер ушел.

Еду в Бобруйск разбираться.

Прежде чем посвятить читателей в существо конфликта, необходимо сделать небольшой экскурс в историю театра. Работает он только седьмой сезон. Работает в обстановке тяжелых сложностей, ведя кочевую жизнь. Сразу же после организации театра здание поставили на генеральную реконструкцию, которая завершится, вероятно, к началу будущего сезона. О медленном строительстве театра в Бобруйске в свое время писала и наша газета. Каждый театралный работник знает, что такое жизнь творческого коллектива без настоящего репетиционного помещения, мастерских, «на подселении» в Доме культуры, где есть свои законные хозяева и свой план мероприятий. Текучесть труппы, нестабильность руководства, невысокая моральная и творческая атмосфера в коллективе вызвали тревогу и партийного комитета города, и Министерства культуры Белоруссии. Вот как раз в эту трудную пору в труппу и поступил новый актер. Руководство снисходительно отнеслось к довольно пестрому послужному слесарю вновь поступившего коллеги Ю. Богавского. Увы, в те времена немногие рвались в бобруйский театр, зная его бедственное положение.

Актер не басталинный, обладающий неплохими внешними данными и профессиональными навыками, он быстро вошел в репертуар, играя ведущие роли. Одним словом, мог бы принести пользу театру и сам расти творчески. Мог бы... Если бы не одно печальное обстоятельство, о котором упорно умалчивает в своих письмах Юрий Константинович и которое стало очевидным при выяснении обстоятельств конфликта.

Прошло не так уж много времени после зачисления актера в труппу, как пришлось созывать местный комитет на предмет обсуждения недостойного поведения Ю. Богавского. И хотя в беседе с мной Юрий Константинович намертво «забыл» об этом эпизоде из своей биографии, многие в труппе помнят и его пьяный «кураж», и размышления местного комитета на тему, быть

или не быть ему в театре. Тогда его оставили в надежде на исправление, тем более что к тому времени он женился, в семье появился сын.

К сожалению, коренных изменений в поведении Ю. Богавского не произошло. Он продолжал приходить на репетиции и на спектакли под змелком. А тем временем заметно изменилась общая нравственная и творческая атмосфера в театре. С приходом нового главного режиссера Ф. Пузовича пора безвременья и неразберихи уступила место объединению лучших сил труппы на решении важных творческих задач. И хотя процесс этот проходил и проходит медленно, порой болезненно, уже в минувшем сезоне театр порадовал значительными премьерными, рядом интересными актерскими работ. Спектакли «И смолкли птицы...» по новой пьесе И. Шамкина, которую бобруйчане поставили первыми, «Ярость» Е. Яновского получили положительную оценку прессы и общественности.

О благотворных переменах в жизни театра говорили мне и в отделе пропаганды и агитации городского комитета КПСС, который много делает для улучшения работы театра, укрепления его роли как духовного центра бурно развивающегося промышленного города. Это подчеркнул, выступая на отчетно-выборном собрании коммунистов театра, первый секретарь горкома партии И. Матко, отнюдь не рисуя положения дел в коллективе розовыми красками. Партийное руководство города потребовало от коммунистов театра более решительной борьбы за очищение морально-нравственной атмосферы в коллективе, повышения профессионального уровня труппы и режиссуры, качества репертуара, совершенствования методологии репетиционного процесса. В театре с пониманием отнеслись к этой справедливой критике.

Как выяснилось, ни в своем письме в редакцию, ни в критических высказываниях на репетициях Ю. Богавский не открывал особых Америк — обо всем этом говорилось не раз. Но вот что со всей очевидностью обнаружилось на месте — это несоответствие между законными фразами о высоком искусстве и личным поведением Ю. Богавского — актера, гражданина, человека. Если откинуть всю словесную вязь, то останется очень немудреное: не по душе ему изменения в театре, на фоне более здорового морального климата уже нельзя жить по принципу: что хочешь, то и ворочу. Тогда Ю. Богавский и вышел в бой за «высокое искусство».

На мой упрямый, явно раздражающий собеседника воп-

рос, как сочетать с громкими фразами вынужденную заманку его, Юрия Константиновича, прямо на спектакле другим актером из-за нетрезвого состояния, появления его в нетрезвом виде на репетициях, он начал с каиним-то безрассудным упрямством отвергать все и вся. Было очень неловко привлекать к нашей беседе самодетеля — секретаря партийной организации, старшую актрису театра Н. Калептур, и уличать в нечестности далеко уже не юного человека.

Тогда вдруг возникла иная версия: были срывы, но исключительно по причине творческой неудовлетворенности и необъективного отношения к нему руководства театра. Вершиной «творческих терзаний» стал вытрезвитель суток за хулиганство во время гастролей театра в Пинске. Но и по этому поводу Юрий Константинович утверждает, что случилось все это благодаря «проискам врагов».

Тогда-то и последовали заседание местного комитета и приказ об увольнении. Но и это не отрезвило Ю. Богавского, не заставило остановиться. Виновы все, только не он. Так следует из письма в редакцию: «Что спрашивать с рядового члена местного комитета? — пишет он. — Ему нужны ставка и квартира. Он подчас трое суток и безразличен. Он зависим. Зависели бы от таланта, а то полная зависимость от власти. Объективная оценка руководства и общественных организаций? Их объективность — себе максимум». Какое пренебрежение к «бес-талантным» коллегам, какое гипертрофированное самонадеяние!

Часто и порой весьма абстрактно рассуждаем мы о пережитках прошлого, которые мешают нам двигаться вперед. Творческая и человеческая судьба Ю. Богавского есть не что иное, как порождение не изжитого еще на театре премьерства, рещидия старозаветной богемщины, когда «творческой личности» якобы позволено то, что не позволено простому смертному. Пусть этот случай — крайнее проявление болезни, но она жила, она не изжита еще в театре, эта застарелая и опасная болезнь. А в коллективе нередко еще вместо того, чтобы бить тоямогу при первых же ее симптомах, снисходительно прощают «мелкие шалости» коллеги, нарушившему этические нормы, только за то, что он удачно сыграл одну-две роли. А эти «мелкие» проступки впоследствии оборачиваются крупными потерями в деле театра, и для человека.

Т. АБАКУМОВСКАЯ,

наш соб. корр.
БОБРУЙСК.